

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ И ГРАММАТИКА

В статье показываются виды стилистической коннотации, возникающие при «альтернативном» употреблении целого ряда грамматических категорий и форм в определенных ситуациях речевого общения на немецком языке, а также анализируются разные аспекты их прагматических функций как речевых маркеров подобных ситуаций.

Ключевые слова: коннотация, грамматическое значение, непрямой модус значения, когнитивный компонент значения, прагматический компонент значения, коммуникативная ситуация, прагматическая альтернатива

Goncharova E. Stylistic connotation and the grammar. The article describes the types of stylistic connotations arising from the «alternative» use of a number of grammatical categories and forms in certain situations of spoken communication in German and explores different aspects of their pragmatic functions as the spoken markers of such situations.

Keywords: connotation, grammatical meaning, indirect modus of meaning, cognitive component of the meaning, pragmatic component of the meaning, communicative situation, pragmatic alternative

Коннотация, несмотря на достаточно длинную историю ее существования как объекта научного изучения в гуманитарных науках, в первую очередь, в философии и лингвистике, до сих пор продолжает оставаться предметом научных дискуссий. В многочисленных исследованиях, прямо или косвенно рассматривающих сложные отношения между смыслом и именем объекта чувственного или рационального познания, выдвигаются неоднозначные мнения по поводу сути и определения коннотации как таковой, а также оттенков дополнительных значений и речевых функций ее отдельных видов.

В широком смысле под коннотацией понимается «особый непрямой модус значения, уровень вторичных означаемых, надстраивающийся над прямым денотативным значением слова» [НФС 2007: 239]. Этот «непрямой модус значения», или некое дополнительное значение языковой единицы, связан, как прави-

ло, с выражением сопутствующих экспрессивно-эмоциональных аспектов высказывания в разных формах познавательно-практической деятельности человека. При этом подобные значения либо остаются разовым (моментальным) явлением индивидуального семиозиса и выражением познавательно-речевого эгоцентризма отдельной языковой личности (оказиональная коннотация), либо заимствуются другими членами языкового социума и постепенно закрепляются посредством процессов интерактивного речевого взаимодействия в национальном языковом сознании (узуальная коннотация).

Наряду с терминологическим обозначением «коннотация» в современной, прежде всего зарубежной, лингвистике используются его многочисленные синонимы. Среди них, например, такие как «релятивные свойства» слова (Relationseigenschaften), «неденотативный компонент» (Nicht-Denotatives), «вторичное кодирование» (second encoding), «прагмема» (Pragmem), «диагностический смысл слова» (diagnostischer Wert der Zeichen), «знание II» (Wissen II) и др. [Lerchner 1989: 177]. Как видим, во внутренней форме названных терминов содержится некая подсказка к тому, какие парадигматические аспекты номинативной единицы включаются авторами определений в понятие коннотации.

Кроме того, семантика приведенных обозначений опосредованно указывает на наличие в термине «коннотация» двух компонентов значения, которые на первом этапе рассмотрения можно квалифицировать в общем виде как *когнитивный* и *прагматический* типы. Здесь можно сослаться, в частности, на мнение М. В. Никитина, который отмечал, что наше языковое сознание «<...> представляет собой координированное единство прагматических и когнитивных структур. В эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащенный и скорректированный благодаря языку коллективным опытом человечества» [Никитин 2003: 89].

«Собственный опыт индивидуума», о котором пишет М. В. Никитин, не может не включать в себя и (прагматическое по своей сути) «предзнание» того, каким образом представитель определенной лингвокультуры, располагающий

определенными сведениями эмпирического, мировоззренческого, культурно- и социально-исторического характера, намеревается использовать в своей речевой практике, в разных коммуникативных сферах и ситуациях речевой деятельности известные ему (лексические и/или грамматические) значения языковых единиц.

Например, языковая личность, принадлежащая к немецкому социуму, осознает, какие дополнительные коммуникативно-прагматические оттенки содержат альтернативные формы приветствия и прощания в текстах письма: *Werte Kolleginnen und Kollegen; Sehr geehrte (Meine) Damen und Herren; Freundliche Grüße/Mit freundlichen (verbindlichen) Grüßen*, с одной стороны, и *Liebe Freunde; Hallo, Frau/Herr X; Hochachtungsvoll; Herzliche/beste Grüße; Mit herzlichen/besten Grüßen; Alles Liebe* — с другой. Первая группа обращений к читателю свидетельствует о более официальном или нейтральном типе отношений между адресатом и автором письма, в то время как вторая группа предполагает более доверительный и дружеский тон общения. Выбор неправильной формы приветствия или прощания, иными словами, незнание коннотативных оттенков, закрепленных в немецком языковом социуме за его названными вариантами, может стать причиной коммуникативного диссонанса между участниками письменного речевого общения.

Другой пример. Незнание человеком, изучающим немецкий язык как иностранный, того, что разный грамматический род (например, мужской и средний) одного и того же слова служит сигналом появления лексико-семантической оппозиции с отсутствием или наличием у слова дополнительного коннотативного смысла, может привести к неточностям в употреблении или переводе соответствующих слов. Так, в лексических оппозициях *der Ekel* — *das Ekel*; *der Wurm* — *das Wurm* слова мужского рода являются нейтральными, а среднего — разговорно-фамильярным оценочным обозначением определенного типа людей: *das Ekel* — (ugs. abwertend) *widerlicher, durch entsprechendes Verhalten unangenehm wirkender Mensch*; *das Wurm* — (fam.) *kleines, unbeholfen-hilfsbedürftiges [bemitleidenswertes] Kind, Wesen* [DUDEN-DUWB: 421; 1759].

Приведенные примеры подтверждают, что о коннотации языковых единиц мы говорим в тех случаях, когда у них есть «... свой “эмоциональный тембр”, свой “ассоциативный ореол”, ... некие экспрессивно-оценочные обертоны. Эти обертоны воспринимаются нами, но они не имеют своих знаков в речи, они накладываются на определенное семантическое содержание, образуя высказывание второго порядка» [Брандес 1990: 235–236]. Несомненно, прагматическое варьирование каких-то узуальных значений и связанное с этим появление эмоционально-экспрессивных и стилистических коннотаций касается в первую очередь лексических элементов языка, которые формируют предметно-атрибутивный фрагмент языковой картины мира, существующий в языковом сознании как отдельно взятой языковой личности, так и этнокультурного языкового социума в целом. Тем не менее, об определенном «непрямом модусе значения» можно говорить и в случае целого ряда грамматических (точнее, лексико-грамматических) явлений, к которому принадлежат и вышеприведенные примеры.

Как правило, такие грамматические явления (грамматические категории или отдельные формы внутри них, морфологические типы слова, синтаксические структуры и др.) образуют «альтернативные пары». Один из парных членов подобных альтернативных пар, как правило, стилистически нейтрален, то есть не содержит дополнительных коннотаций, а другой имеет дополнительный (коннотативный) смысл функционально-стилистического, социально-стилистического, эмоционально-оценочного, темпорально-стилистического или регионально-стилистического характера (Ср.: [Гончарова 2010: 153-168; Sandig 2006: 9–17]).

Немецкий грамматист П. Айзенберг пишет по этому поводу: «Das zeitweise Nebeneinander mehrerer Konstruktionen mit gleicher oder ähnlicher semantischer Leistung fordert zur Bewertung der Möglichkeiten im Sinne stilistischer Varianten heraus. Das gilt beispielsweise für den Gebrauch des Präteritums gegenüber dem Perfekt, es gilt für den Gebrauch des Genitivs gegenüber der Präpositionalgruppe und es gilt besonders für den Gebrauch des Konjunktiv II gegenüber dem Konjunktiv I oder anderen Alternativen wie der Um-

schreibung mit *würde*» [Eisenberg 1989: 131]. Похожие суждения находим и у других исследователей, прямо или косвенно занимающихся проблемами выражения стилистических коннотаций в грамматике.

Так, автор стилистической грамматики немецкого языка В. А. Жеребков отмечает, например, что «сверхдлинное и сверхкороткое предложения всегда экспрессивны — в первом случае за счет экспансии формы, а во втором — синтаксической компрессии; синтаксическое обособление всегда содержит выделительную эмфазу; отдельно стоящий полисиндетон создает впечатление большей эластичности, а асиндетон — отрывистости, чем в случае их продуманной комбинации» [Žerebkov 1988: 166] (перевод с нем. наш — *Е. Г.*).

Известный немецкий стилист Б. Совински сравнивает стилистический потенциал знаменательных частей речи (глагола, существительного, прилагательного) и считает, что они отличаются друг от друга «особым способом языкового представления мира» (*sprachliche Erschließung der Welt*) [Sowinski 1973: 191]. А журналист Б. Зик, написавший несколько книг о культуре речи на немецком языке, в одной из них, заголовок которой «*Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod*» уже сам по себе метонимически отражает заложенные в языке возможности альтернативности выражения разных смыслов, так говорит о стилистическом (коннотативном) потенциале имен существительных: «*Substantive haben Kraft, sie signalisieren Entschlossenheit und suggerieren Sachverstand. Substantive sind männlich, selbst wenn sie weiblich sind. Sie sind mächtig. Wer mitmischen will da oben, braucht Substantive. Viele. Am besten einen ganzen Koffer voll. Koffer kommen in Politikerkreisen immer gut an. Hinter Substantiven kann man sich auch gut verstecken. Wenn man selbst eigentlich keinen Plan hat oder im Zweifel ist, ob man die richtige Entscheidung getroffen hat, dann kann man seine Unsicherheit durch Errichtung eines Palisanderzauns aus Nomen geschickt verbergen*» [Sick 2005: 87–88].

Процитированный текст интересен в аспекте изучения коннотаций грамматических явлений не только по сути его содержания, но и по форме. Если мы сравним синтаксис этого журналистского текста с вышеприведенным фрагментом науч-

ного текста П. Айзенберга, то увидим, что «сверхкороткие предложения» у Б. Зика являются речевым сигналом «легкой» доверительной «беседы», имитирующей форму устного диалога журналиста со своими читателями на серьезную тему, которую он сознательно выбирает.

Это лишний раз подтверждает, что *альтернативность* как таковая, то есть необходимость *выбора* между двумя или несколькими возможными вариантами (лексического и грамматического) выражения в речи смыслов, нужных человеку в конкретной *ситуации*, постоянно сопровождает его когнитивную и коммуникативную деятельность. При этом вопрос «Как сказать?», (осознанно или неосознанно) возникающий у речевого субъекта при формулировании речевого высказывания, может быть связан с альтернативой (1) «правильного» — «неправильного» или (2) «общепринятой нормы» — «вариативности/модификации». В этом случае основу альтернативного выбора между лексическими единицами и грамматическими структурами определяют особенности соответствующей языковой системы и речевой деятельности этнокультурного и языкового социума как целостного пользователя языка.

Так, В. Г. Адмони отмечает, что любая синтаксическая структура имеет «основное, само по себе внеситуативное содержание, его предикативное отношение» [Адмони 1994: 48], которое соответствующим образом выражается в конкретном языке. Наряду с этим во всех языках мира представлены те или иные формы, встраивающие предикативные отношения «... в систему ситуативных координат, иногда разрастающихся до чрезвычайности и начинающих участвовать в самом структурном принципе организации предложений» [Адмони 1994: 48]. Если воспользоваться примером предложения на русском языке, приводимым В. Г. Адмони: «Таня хорошая девочка», то правильная и нормативная форма подобного оценочного суждения, избираемая говорящим на немецком языке, будет выглядеть как: «Tanja ist ein gutes Mädchen», поскольку грамматическая норма этого языка не допускает элиминирования глагольной связи в именном сказуемом. Представленный вид альтернативности, перед которым стоит представитель русского или немецкого со-

циума, не связан с коннотацией как «релятивным свойством» языковой единицы, или «знанием П» (см. выше), он отражает закрепленное в языковом сознании русско- или немецкоговорящих и системе языка знание о закономерностях нормативного выражения в оценочном суждении предикативного отношения между грамматическим субъектом и предикатом.

В то же время в данном оценочном суждении, будь то русский или немецкий язык, для речевого субъекта существует «<...> некая причинность, побуждающая его произнести определенное высказывание, — причинность самая многообразная, начиная от внешних практических задач, кончая смутными душевными движениями» [Адмони 1994: 28]. Эта причинность вытекает из коммуникативно-прагматической *ситуации* речевого общения и касается личных — прагматически, а также стилистически обусловленных — потребностей и интенций ее участников. Так, предложение «Tanja ist ein gutes Mädchen» как ситуационно и прагматически детерминированная синтаксическая структура может быть произнесено мамой девочки в качестве похвалы ребенку за ее хорошее поведение и поощрения к дальнейшим поступкам, или самой Таней в форме свойственной эгоцентрической детской речи самооценки (Ср.: [Адмони 1994: 47]). Не исключена и ситуация, в которой это суждение может содержать ироническую (отрицательную) оценку не вполне хорошего поведения девочки, дополнительным сигналом которой станут соответствующая интонация и невербальные средства (выражение лица, жесты).

Подключение *ситуации* к грамматическому анализу предложений добавляет к их рассмотрению в качестве синтаксических структур с определенным типом предикативного отношения прагматического и лингвостилистического аспектов, которые, в свою очередь, свидетельствуют о превращении предложения в высказывание. В ряду «предложение — высказывание» предложение тем самым предполагает и наличие определенной синтаксической конструкции предикативного отношения, и использование этой конструкции в речи, в то время как высказывание представляет собой чисто функционально-речевое явление (Ср.: [Москальская 1981: 16]).

Коннотация — как «прагмема», связанная с интенциональным, эмоционально-психическим и функционально-стилистическим планом формулирования речевого смысла, относится и к предложению и к высказыванию. Она присутствует в предложении в качестве его *потенциального*, а в предложении как высказыванию — *актуального* прагматического и/или стилистического элемента. В основе ее актуализации в речи лежит насыщение предложения дополнительным смыслом, связанным с осознанием субъектами речевой деятельности и общения необходимости взаимопонимания между двумя сторонами коммуникации в конкретной ситуации. Например, в каждом из предложений нижеследующего ряда, если их рассматривать как реализацию определенных (альтернативных) типов высказывания, содержатся стилистические коннотации, создающие «высказывание второго порядка» (см. выше), или речевой смысл высказывания:

Rauchen nicht gestattet.

Hier ist glücklicherweise die schreckliche Raucherei nicht erwünscht.

Hier hat wieder einmal jemand etwas dagegen, dass man sich ein Stäbchen ansteckt.

Ich mache Sie darauf aufmerksam, dass hier nicht geraucht werden kann.

Lass gefälligst das Rauchen sein!

Коннотации вырастают из функционально-семантического потенциала грамматических форм и синтаксических конструкций, а также коммуникативно-прагматических обстоятельств их использования. Они являются маркером речевой ситуации, включая медиальную (устную или письменную) форму общения и функционально-стилистическую сферу, а также интенцию речевого субъекта высказывания в зависимости от его экспрессивного отношения к общей для всех высказываний теме курения. Всем высказываниям свойственна и контекстуальная коннотация «диалогической проекции», иными словами, прагматическая

установка на другого участника общения с особым характером воздействия на него (нем. Partnerbezogenheit).

Это отличает приведенные фразы от (достаточно редких) высказываний, в синтаксической форме которых имплицирована коннотация «автообращенности» речевого субъекта к самому себе (нем. Sprecherbezogenheit). К ним можно отнести, например, такие восклицания как: *Großartig! So eine Überraschung! Klasse! Schönes Wetter heute! So ein Mist! Schon wieder 'ne Laufmasche!* и др. В основе коннотаций подобных, как правило, односоставных синтаксических структур лежит момент эмоционально-экспрессивной (положительной или отрицательной) качественной оценки собственных или чужих действий и коммуникативной ситуации в целом.

Однако, как известно, речь чрезвычайно редко исчерпывается единичным высказыванием, как это происходит в наших примерах, хотя и в этом случае выявление совокупности коннотаций, то есть речевого смысла единичного высказывания, позволяет говорить о нем как о тексте. Речевая деятельность человека организуется, как правило, цепочками предложений, которые интенционально, ситуационно, структурно, семантически и тематически соотнесены между собой, то есть в (протяженных) текстовых целых. Текст создает оптимальные условия для проведения двух основополагающих лингвостилистических операций: *селекции* и *комбинации* элементов формы и содержания, с помощью которых создается «модус речевого формулирования», или стиль (см. [Гончарова 2012: 10–33]), являющийся одним из неотъемлемых компонентов речевого смысла. Операции селекции и комбинации превращают «потенциальные» коннотации отдельных предложений и других лексико-грамматических явлений автором текста в «реальные» сигналы речевого смысла текста. Их «разгадывание» помогает читателю выявить не только принципиально важные информационно-тематические элементы этого смысла, но и особенности актуализации «образа автора» в модусе речевого формулирования, или стиле текста.

С одной стороны, лингвостилистические операции селекции и комбинации не могут производиться речевым субъектом исключительно произвольно. Он почти всегда испытывает в про-

цессе производства текста «давление», прежде всего, со стороны системы языка, предоставляющей ему лексико-семантические и лексико-грамматические варианты, которые почти всегда находятся в отношениях неполной, или относительной, синонимии и допускают ту или иную степень семантических приращений, переосмыслений и трансформаций. Далее, отбор языковых средств и способы их комбинирования в целостной текстовой структуре не могут не зависеть, как уже неоднократно отмечалось, от коммуникативной ситуации и планируемой цели речевого общения.

С другой стороны, как справедливо отмечает известный немецкий исследователь Г. Вайнрих, каждый текст представляет собой сугубо индивидуальное «мнение» его автора об одном из фрагментов мира, которое, во-первых, не совпадает абсолютно с «мнением» других и, во-вторых, не может быть передано изолированным/-и словом/-ами. Мы знаем, например, как много граней смыслов имеет концепт «любовь». Но при этом в большинстве языков есть только одно слово для означивания тысяч разных форм любви на фоне тысячи высказываний о ней («... gegenüber der tausendförmigen Liebe gibt es nicht nur das eine Wort "Liebe", sondern auch tausend Sätze um die Liebe») [Weinrich 2000: 22]. Иначе говоря, если значение слова «любовь» постоянно, то мнения о «любви» всегда отличаются друг от друга. В этом смысле предложение, и особенно предложение, погруженное в определенный контекст, является мостом между «значением» и «мнением» («Der Satz ist die Brücke zwischen Bedeutung und Meinung»). И, по остроумному замечанию Г. Вайнриха, «мы не рабы слов, потому что мы властелины текстов» («Wir sind nicht Sklaven der Wörter, denn wir sind Herren der Texte») [Weinrich 2000: 24].

При рассмотрении вопросов выражения коннотаций грамматических форм и структур важно учитывать, далее, то, что как целостное композиционно-смысловое произведение текст позволяет автору проявить речевую креативность — прежде всего, с помощью синтактико-стилистических фигур (часто называемых «риторическими фигурами»). Под ними понимаются специальные синтаксические конструкции, усиливающие экспрессивную

выразительность и изобразительность речи. Это, например, фигуры сопоставления и противопоставления (перечисление, антитеза, хиазм, оксюморон), фигуры повторности, лексико-грамматической компрессии и детализации, позиционного выделения и др. Высокая степень коннотативности, присущая синтактико-стилистическим фигурам, создается не только их структурными особенностями, но и лексико-семантическим составом. Опираясь на точку зрения В. Г. Гака, можно сказать, что в них синтезированы семантическая синтаксиса и синтаксичность семантики [Гак 1998: 272].

Итак, интерпретация стилистических коннотаций грамматических явлений в языке и речи представляет для лингвистов определенную трудность, которая обусловлена, во-первых, латентностью, релятивностью и подвижностью самих коннотаций как «высказываний второго порядка» и, во-вторых, необходимостью различения в тексте высказывания двух планов: плана содержания и плана дискурсивно-речевого смысла. План содержания напрямую соотносится с речевыми реализациями лексико-грамматических и синтаксических значений используемых (в высказывании) языковых средств. Дискурсивно-речевой смысл языковых средств коммуникации включает помимо содержания ситуативную, контекстуальную, стилистическую информацию и требует при своем изучении выхода за границы предложения и высказывания как дискретных языковых и речевых единиц.

Литература

- Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. — СПб: Наука, 1994.
- Брандес 1990 — Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1990.
- Гак 1998 — Гак В. Г. Использование идеи симметрии / асимметрии в лингвистике // Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998.
- Гончарова 2012 — Гончарова Е. А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство / Текст — дискурс — стиль в немецкой этнокультуре. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
- Москальская 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста. — М.: Высшая школа, 1981.

- Никитин 2003 — Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- НФС 2007 — Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. ред. и сост. А. А. Грищанов. — Минск: Современный литератор, 2007.
- DUDEN-DUWB — DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. — Mannheim: Dudenverlag, 1989.
- Eisenberg 1989 — Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. — Stuttgart: Metzler, 1989.
- Lerchner 1986 — Lerchner G. Semantische Struktur, pragmatische Markiertheit und (stilistische) Gebrauchspräferenz lexisch-semantischer Einheiten // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Heft 2, 1986. — S. 176–198.
- Sandig 2000 — Sandig B. Textstilistik des Deutschen. — Berlin: Walter de Greyter, 2000.
- Sowinski 1973 — Sowinski B. Deutsche Stilistik. — Frankfurt am Main: Taschenbuch Verlag, 1973.
- Weinrich 2000 — Weinrich H. Linguistik der Lüge. — München: Beck, 2000.
- Žerebkov 1988 — Žerebkov V. A. Deutsche Stilgrammatik. — М.: Высшая школа, 1988.